

Мать Линь с юных лет привыкла лишь молча трудиться в поте лица, тетя Хань с детства воспитывалась в чужих людях, а старший дядя, хотя бабушка с дедушкой и берегли его пуще зеницы ока, так и не смог перенять от бабушки её хитроумные, как пчелиные соты, уловки. Зато Фан Фан, которую бабушка растила сама, впитала их в полной мере.

Видя, что солнце припекает всё сильнее, Линь Цинфэн уже хотела найти предлог, чтобы отправить бабушку и мать в тень отдохнуть, как вдруг увидела, что старший дядя, взвалив на плечо мотыгу, молча зашагал в сторону полей. Бабушка с тревожным, любящим сердцем окликнула его: — В такую жару куда ты собрался с мотыгой? Если хочешь прополоть поле, подожди, пока вернется отец, сходите вместе. Иначе хватит тебя там солнечный удар — и никто даже не узнает.

Заботливые слова бабушки Фан не тронули дядю. Он даже головы не повернул, лишь ускорил шаг, продолжая молча идти к полю.

Страсть дяди к земледелию была известна на всю округу. Когда он только женился на тете, бабушка с дедушкой отдали ему половину своих сбережений, чтобы он открыл в городе лавку. Не прошло и месяца, как дядя перепродал её, а на вырученные деньги три дня гулял, после чего вернулся домой ни с чем и снова принялся за полевые работы. Как бы бабушка ни причитала и ни плакала, дядя хранил молчание, и лишь когда она прижала его к стенке, рявкнул: — Ученые, земледельцы, ремесленники, торговцы — ты что, хочешь заставить меня опуститься до низшего сословия! С тех пор бабушка больше не смела поднимать эту тему, боясь, что её любимый сын снова почувствует себя ущемленным.

Династия Цин давно канула в Лету, со дня основания Нового Китая прошли десятилетия, а он всё ещё рассуждает категориями древних сословий. Неужели дяде, которому едва за тридцать, присущи мысли столетнего старца? Линь Цинфэн предположила, что дядя просто посчитал продажу лавки самым быстрым способом получить деньги — ведь если торговать по мелочи, то сколько лет придется копить, чтобы выручить такую сумму. Конечно, кто-то мог бы подумать: почему бы просто не попросить денег у бабушки Фан, зачем городить весь этот огород с продажей, теряя на комиссиях?

Впрочем, логика семьи Фан всегда отличалась причудливостью. Просить у бабушки — это значит быть никчемным нахлебником, а вот продать лавку — другое дело. Лавка-то дядина, и вырученные деньги — это его собственный заработок, а то, что лавку изначально организовали родители, скромно умалчивалось.

С тех пор слава дяди-земледельца, приукрашенная соседями, стала еще более яркой и живой.

Когда дядя ушел в поле, бабушка Фан перестала заниматься разбором руин и поспешила позвать мать Линь готовить обед, чтобы поскорее созвать всех к столу.

Кухня в доме бабушки была самым опрятным местом: стены выложены белым кафелем, столы, стулья, утварь и приправы — всё расставлено по линейке. Даже Линь Цинфэн, имевшая к бабушке немало претензий, вынуждена была признать, что та была женщиной хозяйственной и

расчетливой. Кухня была тесной, втроем там было уже не развернуться, поэтому Линь Цинфэн вышла прочь — это была территория бабушки.

Снаружи делать было нечего. Не побрезговав, Цинфэн постелила на пол салфетку и уселась у подножия лестницы, достала телефон проверить сообщения. Входящих не было, только уведомление от оператора о нехватке средств на счету — видимо, Янцзы ещё не проснулся. От скуки Цинфэн запустила тетрис. Из комнаты доносились звуки сериала — Фан Фан смотрела телевизор наверху. Комната Фан Фан выходила прямо на лестницу, и та могла легко увидеть Цинфэн, если бы подняла глаза, но ни одна из них не проявила инициативы. Они словно делали вид, что другой не существует, каждая занимаясь своим делом.

К счастью, время пролетело незаметно. Вскоре мать Линь вышла позвать дядю к обеду, а следом за ней появился дедушка, покрасневший от солнца. Обеденное время было самым надежным способом собрать всю семью Фан вместе. Вскоре все уже сидели за столом. Линь Цинфэн наложила себе риса и села рядом с матерью, но, увидев перед собой черную от соли редьку, сразу потеряла аппетит. Перед матерью и бабушкой стояли такие же тарелки с соленьями, а вот перед дядей и Фан Фан красовались свежеприготовленные яичница и свиные ребрышки в красном соусе. Фан Фан лениво ковырялась палочками в тарелке, выбирая кусочки получше, и лишь тогда с неохотой отправляла их в рот. Дядя молча набивал рот рисом, почти не притрагиваясь к еде. Бабушка с дедушкой ели только зелень перед собой, не смея потянуться к тарелке Фан Фан.

Цинфэн не впервые видела предвзятость бабушки по отношению к матери, но всё равно кипела от возмущения. Остальные же, казалось, не видели в этом ничего странного. Бабушка Фан продолжала нашептывать матери на ухо, какая Фан Фан разумная и работящая, и что только из-за того, что она родилась не в той семье, ей приходится каждый день проливать слезы из-за платы за обучение. Мать Линь, не зная, что ответить, отложила палочки и спросила дедушку: — Пап, куда ты сегодня ходил? Мама говорит, тебя обманули на пятьсот с лишним тысяч, что произошло?

Дедушка не поднял головы. Он быстро доел рис, поставил пустую миску на стол, вытер рот, молча встал и, заложив руки за спину, зашагал к выходу. Теперь Цинфэн поняла, в кого пошел дядя: когда сталкиваешься с тем, о чем не хочешь или не можешь говорить, достаточно просто молча уйти, сохранив лицо. Но этот метод работал только для мужчин семьи Фан.

Мать Линь хотела было встать из-за стола, чтобы избежать дальнейших нотаций, но бабушка вцепилась в неё мертвой хваткой, пригвоздив к стулу. Вид у неё был как у похитителя, который не отпустит, пока не получит выкуп.

Мать Линь смиренно села, а бабушка продолжила: — Ты же видела, как Фан Фан усердно учится с самого детства. Её отец ни на что не годен, мы с твоим отцом тоже уже старые и бесполезные, вот и приходится просить тебя.

— Но ведь в этом году Цинфэн тоже поступает, я только что выплатила долги, а зарплата учителя — это копейки. Я правда не могу помочь! — Мать Линь с тоской посмотрела на бабушку. Ей было обидно из-за такой несправедливости, но всё же это была её мать, и

ссориться с ней не хотелось.

— Нам с отцом и твоим старшим братом на троих уже больше двухсот лет. Иначе я бы сама потащила их в больницу сдавать кровь. Будь то кровь или плоть — я на всё готова, лишь бы оплатить учебу Фан Фан! — процедила бабушка сквозь зубы, словно угрожая, что если мать Линь снова откажет, она прямо сейчас потащит всю семью на донорство.

Однако пыл бабушки не передался другой стороне стола. Виновница торжества, Фан Фан, продолжала ковыряться в ребрышках, словно гордый петух, перебирающий зерна на своем дворе. Тонкими палочками, испачканными в рисе, она ворошила гору мяса, и в этом жесте не было ни капли той скромности и послушания, о которых так распиналась бабушка.

<http://bllate.org/book/21753/2249213>